

8) Универсум и личность.

Современный человек испытывает потребность деперсонализировать (или обезличить) то, чем он более всего восхищается. Тейяр считает, что человек как бы потерял вместе с уважением к личности понимание её настоящей природы.

Личность – специфически корпускулярное и эфемерное свойство, тюрьма, из которой нужно стремиться бежать.

Отнюдь не исключая друг друга, универсум и личность возрастают в одном и том же направлении и достигают кульминации друг в друге одновременно.

ПРОБЛЕМА ЛЮБВИ В ФИЛОСОФИИ ЭРИХА ФРОММА

Н.В. Штанюк

Научный руководитель – к.ф.н., доцент *Р.Н. Дождикова*
Белорусский национальный технический университет

«Для большинства людей проблема любви состоит в том, чтобы быть любимым, а не в том, чтоб любить. Значит, сущность проблемы для них в том, чтобы их любили...», - писал в своё время Эрих Фромм. Мы часто не задумываемся над тем, что, если мы хотим, чтобы нас полюбили, мы должны уметь ответить человеку тем же. Поэтому «едва ли существует какая-то деятельность, какое-то занятие, которое начиналось бы с таких огромных надежд и ожиданий и которое терпело бы крах с такой неизменностью, как любовь».

Любовь – это значит, прежде всего, давать, а не брать. Но это не значит, что мы должны чем-то жертвовать - это должно быть «давание» в виде объединения. Кроме того, наряду с элементом «давания», любовь всегда предполагает и другие качества, которыми должен обладать человек. Это, прежде всего, забота, ответственность и уважение.

Так же Э. Фромм выделяет некоторые виды любви, говоря о любви братской, эротической и материнской. Последнюю любовь, отмечает исследователь, нельзя считать равной, так как она разворачивается между неравными по своему статусу субъектами, матерью и её ребёнком, но можно назвать священной, поскольку она носит бескорыстный характер и отдается безвозмездно. В этом смысле, *материнскую* любовь можно считать высшим видом любви.

Хотя, конечно же, самая интригующая любовь – это любовь *эротическая*. Она сама по своей природе исключительна, а не всеобща; она жаждет полного слияния, единства с единственным человеком. К сожалению, её часто путают с переживанием чувства влюблённости. Но по своей природе это чувство слишком кратковременно, и очень часто многие считают, что если физическая любовь при этом доставляет удовольствие, значит пришла настоящая любовь. А нередко встречается и так, что только по одному физическому влечению люди начинают думать, что это любовь. При этом половое влечение создает на краткий миг иллюзию единства, однако без любви ощущение этого единства быстро проходит, оставляя партнёров такими же чужими друг другу.

Любовь к себе так же является важным аспектом. Часто можно услышать утверждение, что любовь к себе - это *эгоизм*. Но так ли это? «Эгоистичный человек любит себя не слишком сильно, а слишком слабо, а на самом же деле он ненавидит себя», - отмечает Э. Фромм.

Ни один человек не сможет дать конкретных советов, что надо сделать, чтобы вас полюбили. Но, как и в каждом искусстве, в искусстве любви тоже есть некоторые принципы, соблюдая которые можно максимально приблизиться к цели. Это, прежде всего, дисциплина и последовательность во всем. Немаловажным в этом искусстве является и сосредоточенность, так как очень часто мы слушаем, но не слышим своего сердца. Важно уметь сосредоточиться на одном человеке, а не разбрасывать себя на всех подряд. Вера также является неременной чертой всякой серьезной дружбы или любви. Иметь веру в человека, так же важно, как и знать, что он тебя любит. В этом же смысле мы верим в самих себя. Мы отдаем себе отчет в существовании собственного «я» - неизменной сути нашей личности: «Только человек, который имеет веру в себя, способен верить в других, потому что он уверен, что в будущем будет таким

же, каким он является и сегодня, а, следовательно, он будет чувствовать и действовать так, как и теперь. Что касается любви, то здесь имеет значение вера в собственную любовь, ее способность возбуждать любовь в другом человеке, и в ее постоянство».

Итак, ни один человек на свете не должен думать, что ему не дано любить. Каждому из нас есть к чему стремиться, мы не имеем права опускать руки, так как от нас зависит наше будущее и будущее наших чувств и отношений. Наша задача доказать всем, кто не верит, что любовь – это величайшее искусство, которому нужно учиться и передать это умение следующим поколениям.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА СУИЦИДА

С.С. Иванов

Научный руководитель – *А.Ю. Опарин*

Белорусский национальный технический университет

Каждый человек хоть раз в жизни был в ситуации, когда самоубийство представлялось лучшим выходом из создавшегося положения. По счастью, мало кто решался переступить эту грань, когда тело, этот «большой разум», приходилось обманывать в его стремлении во что бы то ни стало жить, и безжалостно расправляться с ним через обретение абсолютной свободы в смерти. Мысль о смерти не дана человеческому сознанию, и, по верному замечанию А. Камю, мы имеем только «опыт смерти других».

В «Исповеди» Л.Н. Толстой писал: «Мысль о самоубийстве пришла мне так же естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни. Мысль эта была так соблазнительна, что я должен был употреблять против себя хитрости, чтобы не привести ее слишком поспешно в исполнение... и это сделалось со мной в то время, когда со всех сторон было у меня то, что считается совершенным счастьем...». Источником кризиса было четкое осознание невозможности искренней веры в Бога, понимание полной бессмыслицы бытия природы, обрекающей все свои творения на неизбежную смерть; невозможность рациональным путем ни доказать, ни опровергнуть адекватность миру столь личностного запроса о смысле жизни. «Положение мое было ужасно. Я знал, что ничего не найду на пути разумного знания, кроме отрицания жизни, а там в вере - ничего, кроме отрицания разума, которое еще невозможнее, чем отрицание жизни», - уточнял Толстой.

Этот страшный путь сознательного суицида очевиден и безжалостен в наготе своей экзистенциальности. Всякий пишущий о самоубийстве осознает свою личную причастность к борьбе двух «Я», вариативно выражающейся в столкновении реальности с идеалом, бессмысленности объекта – со смысловой структурой субъекта, телесной временности – с когнитивной вечностью, волевой безудержности – с ограничительной силой поступка. Всякий, заявляющий своеволие в сознательном суициде, хотя бы на «дне» своей спрятанной рассудочности осознает мелкость, наивность и театральность собственных притязаний на функции бога. Показательно, что многие самоубийцы задаются вопросом о некоем фундаментальном моменте человеческой несвободы: «...В самом деле: какое право имела эта природа производить меня на свет, вследствие каких-то там своих вечных законов... какое право она имела производить меня, без моей воли на то, сознающего?... я все-таки должен... принять страдание в виду гармонии в целом и согласиться жить».

При этом основной источник ощущения себя несчастным для будущего самоубийцы – это его собственное сознание, т.к. именно оно «задает беспрерывно вопросы» и обнаруживает грозящий «завтра нуль», т.е. смертность человеческой природы.

Подводя итоги, можно отметить следующее: суицид, являясь устойчивым в демографическом отношении явлением, имеет преимущественно индивидуальные корни. Суицид поднимает вопрос о вере как особой форме целостного знания, сопрягающего в себе интеллектуальную созерцательность и поведенческую активность (из этого проистекает неслучайность интереса американского прагматизма и русской религиозно-философской мысли, прагматичной по существу, к вопросам «второго рождения сознания»). При этом, как